

ШЛА первая военная зима. Я, молодая учительница, квартировала тогда у вдовы Акулины Ефимовны, работавшей кладовщицей в колхозе. К тому же я была секретарем комсомольской организации, и мы часто устраивали концерты на клубной сцене. Меня еще просили петь соло. Голос у меня слабенький, но куда денешься, когда просят? Выходила, краснела, терялась, но пела.

Однажды приходит в сельсовет телефонограмма: послать секретаря комсомола на семинар. А как раз ударили морозы, одоноконка и обувка у меня лежонькие, а шагать до райцентра надо было сорок километров. О какой пибудь подводе и речи быть не могло. Все учителя ходили пешком. Дошагала и я до райцентра, но тут вышла неурядица. Не помню точно: или руководящий товарищ, который должен проводить семинар, не явился из-за более важных дел, или хвороба его одолела, так что мы долго сидели в зале, дули в ладони и постукивали валенками. В президиуме — унылая пустота, которая нагоняла еще большую скуку и еще больше замораживала. Наконец, вышел какой-то хромой парень, сказал, что ввиду того-то и того-то первый вопрос снимается, а вторым — разучивание новых песен. В угол, к пианино, пробегала молоденькая девчонка и села.

У меня сразу на душе повеселело. Правда, была и горечь: оторвали от азиатий и заставили шагать по морозу чуть ли не полсотни километров из-за каких-то песен...

Итак, послушаем слова. Парень начал читать громко и торжественно, будто не читал, а выпевал:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой

темною,
С проклятою ордой...

Весь зал притих. Никто не грем ладошки, никто не постукивал варежками и пятами.

Запишите эти слова, — сказал парень, — а потом вместе с музыкой разучим.

— Да их и записывать не надо! — кто-то бросил в зале. — Сразу запоминаются.

А все-таки забегали карандаши по блокнотам. Было тихо — люди не шережились, не двигались.

— Теперь послушайте музыку, а потом споем.

Когда она зазвучала, многие повставали со своих мест. Это была музыка, вод которую сильнее билось сердце, даже в полусубухах людям стало жарковато...

НОЧЕВАЛА я у знакомой женщины. Рано утром, когда еще звезды не думали гаснуть, тихонько встала, без скрипа открыла дверь и, выйдя на улицу, задохнулась от мороза. Когда оказалась за оградой, меня обступила темнота. Я вспомнила вчерашнюю песню. Идти стало вроде бы легко.

Пока шла селом, сильно не мерзала, но вот кончились улочки и бор, и в лицо подул северный ветер. Кругом стень, ветру не за что зацепиться. Закрываю лицо, начинают мерзнуть колени. Повернувшись от ветра к солнышку (оно мутным пятном уже стоит над бором), тру ноги, боясь обморозить их, и как только чувствую, что стало теплее, поворачиваюсь и иду вперед. И опять мерзнут нос, щеки, лоб. Ни одной звезды не видно, ни одного человека, стень лежит голая, снежная, молчаливая. Только подывает ветер где-то вверху.

Бегу бегом, но и ветер хлещет режаче, обжигает, как огонь. До ближайшего села осталось километров тридцать, остаю посредине пути увидела домики, над ним дым, идущий из трубы, подхватываемый ветром. Слы мои удесятеряются. Я снова тру лицо и колени, боясь за последние минуты обморозиться.

На крыльце стоял хозяин.

— Можно у вас погреться?

— едва выговорила я застывшими губами.

Мужик маленький, вебрый, с замусоленной самокруткой во рту. Вместо ноги — деревяшка. Переступил он этой деревяшкой и сказал:

— Двадцать пять рублей.

И опять переступил деревяшкой, словно печатать поставил.

Я сначала даже и не поняла, зачем он говорит о двадцати пяти рублях; не то взаимно просит, не то вслух что-то подсчитывает, а потом сообразила: это же за погрев просит двадцать пять рублей.

— Ладно, — сказала я и, отстранив мужичонку, шагнула к домику.

— Да быстрее! — крикнул он вдогонку. — Не шеперьясь в дверях, не выпускай тепло!

«Куркуль», — подумала я. — Дерет с людей шкуру да еще и командует, но, вспоминая о протезе, тучочку смягчилась: «Может, с фронта? Видно, пьет бродяга, потому и деньги нужны».

В ИЗБЕ меня встретили несколько женщин, усевшихся на скамейке в студлах вокруг жаркой железной печки, сделанной из бочки. Они тотчас дали мне место.

— Где хозяйка-то?
— Вот я говорю: одинокий, как птица в небе, что от своей стаи отбился. Нету у меня хозяйки. Когда оторвало мне лану, она скорей за другого кинулась. Вы, бабы, народ известный.

— Что-то и не верю, — сказала женщина.

— А я тоже бы ушла от такого, — сказала молоденькая доярка.

— Это почему? — вскинулся «куркуль».

— Жалный ты, за погрев дерешь четвертную. Где это слышно?

— Так это ж не я. Колхоз меня тут поставил обогревать

ПЕСНЯ

Наши юбилеры

Более тридцати лет назад в альманахе «Алтай» появился рассказ сельского учителя Ивана Шумилова «Балаш». Небольшая новелла, посвященная овечьим легендам, неустрашимому партизанскому командиру, который воевал с фашистами в Белоруссии, подкупала жизненной достоверностью, яркостью и точностью деталей.

Вслед за «Балашом» в «Алтае», в журнале «Сибирские огни» появились новые рассказы, а несколько позже Иван Шумилов выпустил их отдельной книжкой.

За три с лишним десятилетия литературной работы педагог, а позже журналист Иван Леонтьевич Шумилов написал несколько повестей, много рассказов и очерков. Наиболее примечательные из его книг — роман «Жажда», обличающий эгоцентризм и карьеризм, повести «Трещина», воссоздающая суровую семейную драму, «Деревня Ивановка», в которой правдиво и тепло изображена жизнь деревни в трудные годы Отечественной войны, «Стефка», где писатель вновь возвращается к теме борьбы с оккупантами в тылу врага.

Иван Леонтьевич — человек сельский. Сейчас он живет в рабочем поселке Павловском. Писатель хорошо знает село, его людей, его дела и заботы. И книги Ивана Шумилова посвящены большей частью сельским жителям.

Писателю Ивану Леонтьевичу Шумилову исполнилось шестьдесят лет. Мы поздравляем его с этой датой, желаем здоровья и новых удач в творчестве.

Предлагаем вниманию читателей рассказ нашего земляка.

— Ой, девка, да ты же обморозилась! Смотрите-ка, бабки, и нос побелел, и колени. Побегу за снегом!

Снег был митом принесен, все взялись растирать меня, и вскоре обмороженные места заыжи, как говорят, с пару заплыли. Я чуть не криком кричу. Кое-как отгнали меня женщины, успокоили. Пришла я в себя, сижу тихонечко у печки, радомела, наслаждаюсь теплом, слушаю женщин. Каждая про свою беду рассказывает: у одной на сына недавно похоронка, другая идет с военного завода, отпустили по болезни, вся истощенная. В общем, рассказы все невеселые.

— Ну, а ты что молчишь? Скажи про себя, — обратилась ко мне одна из женщин. — Чья будешь, откуда и куда идешь?

Когда я все рассказала и упомянула о новой песне, сидевшая девушка с фермы пристала: что за песня.

— Удивительная, — сказала я.

Зашел «куркуль», проковылял в куть, сел у шкафчика, начал вертеть новую козью ножку, обслуживая ее, встал, заковылял к трубе, приткнул папиросу к раскаленной жестяной прикурал. Сел снова, протянул свою костыль-ногу.

— Но-о, задымил, — недобролюбно сказала одна из женщин. — Как парохот на Оби.

— А чего мне остается делать? Кури да кури. Вы тут, наверное, все сарафанное радио прослушали? Вам весело, а я, вот один.

всех, а дрова-то вынче какие? Из забочки. Кочки трогать не смей, а в забочке лаявш за сушилкой целый день, в снегу топнешь.

— Не ври, что колхоз по четвертной с человека положил.

— Ну, пусть немного поменьше, дак мне-то... возможно иметь за труды?

— Вы дадите мне сплать песню? У нас на ферме любят петь, разумич, — не отставала от меня доярка.

— Пожалуйста, — сказала я. И сама списала ей весь текст.

— А как же петь-то будем? — спросила девчонка, когда я подавала ей листок с текстом. — Вы уж и мотив напойте.

— Да неудобно как-то здесь, — сказала я.

— Чего неудобного?

— Неудобно в чужой карман лезть, могут за руку схватить, а хорошую песню везде петь можно, — сказала женщина, что шла с военного завода.

— Ты уж начни, а мы припаримся, — просила доярка. — И споём тут вокруг печки.

Нехорошо ломаться перед такой публикой — в я начала петь:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой

темною,
С проклятою ордой...

— Это кто сочинил? — спросила черноглазая.

— Лебедев-Кумач, поэт такой есть.

— Да я бы и сама такую-то сочинила,—похвалялась женщина. — А чего ж? Очень даже просто! Все правильно! Вставай, страна огромная. Если бы я взялась сочинять, сочинила бы. Ничего здесь нет мудреного. Вставай на смертный бой... Ну, все оно так и есть...

Я ПРОШЕЛА женщинам второй куплет, про «ярость благотворную», а потом мы пели вместе. Почти все. И мужик с нами пел. Я до сих пор удивляюсь, как это мы могли тогда распеться. Впрочем, ничего удивительного, где три женщины — там всегда может вспыхнуть песня. Женское сердце отзвучиво на все душевное. Но пел и мужик... Да так увлекательно! Размахивал руками, точно пытался дряжитьровать.

...Наши посиделки вокруг печки кончились. Мы засобирались идти. Женщины соваляли хозяйку плату, а он приговаривал:

— Да не думайте, что я скупоий, грейтесь хоть до самого вечера, дровец у меня хватит. Не хочу людей обижать! Песня меня сильно растрогала, а с собой берите тепла столько, сколько унести сможете — не жалко.

— Пожалел водк кобылу, — засмеялась женщина с завода.

— Ну, хватит меня ругать, — просил мужик. — Везде объявляйте, что на Малиновке есть такой жених: некрасивый, беспесивый, две руки, одна нога.

Я все же отдала ему рещила деньги за постой, но он их вернул:

— Не суй! Сказал не возьму — и все тут, и замолчь, и выметайся!

Помолчав, буркнул влогонку: «Твоя песня дороже всяких денег!»

Остальную часть пути я шла Обью и лугами. Тут были кусты, ветер дул лютше. Домой дошла благополучно.

— Так ты что, выхлзит, за песнями ходила? — смеясь, сказал директор школы, выслушав меня. — Командировочка!

Зазвенел звонок — и я пошла в класс, чтобы скорее разучить с ребятами новую песню.